

По следам экспедиции 1906 года

*1200км по дорогам южного
Приморья*

Н.Тертышный
Приморье 2015г.

УДК
ББК

**«1200км. по дорогам южного Приморья»
по следам экспедиции В.К.Арсеньева 1906г.**

Тертышный Н.Н.
Фото, оформление и вёрстка автора

Вторая книга для туристов, приезжающих в наш край на своих автомобилях, как прелюдия при организации маршрута по интересам «отпускник»* для трёхдневного автопробега по югу Приморья. Любители руля и безопасных поездок, выбрав хорошую погоду с июля по октябрь для отдыха с семьёй, по достоинству смогут оценить красоты и достопримечательности юга Приморского края.

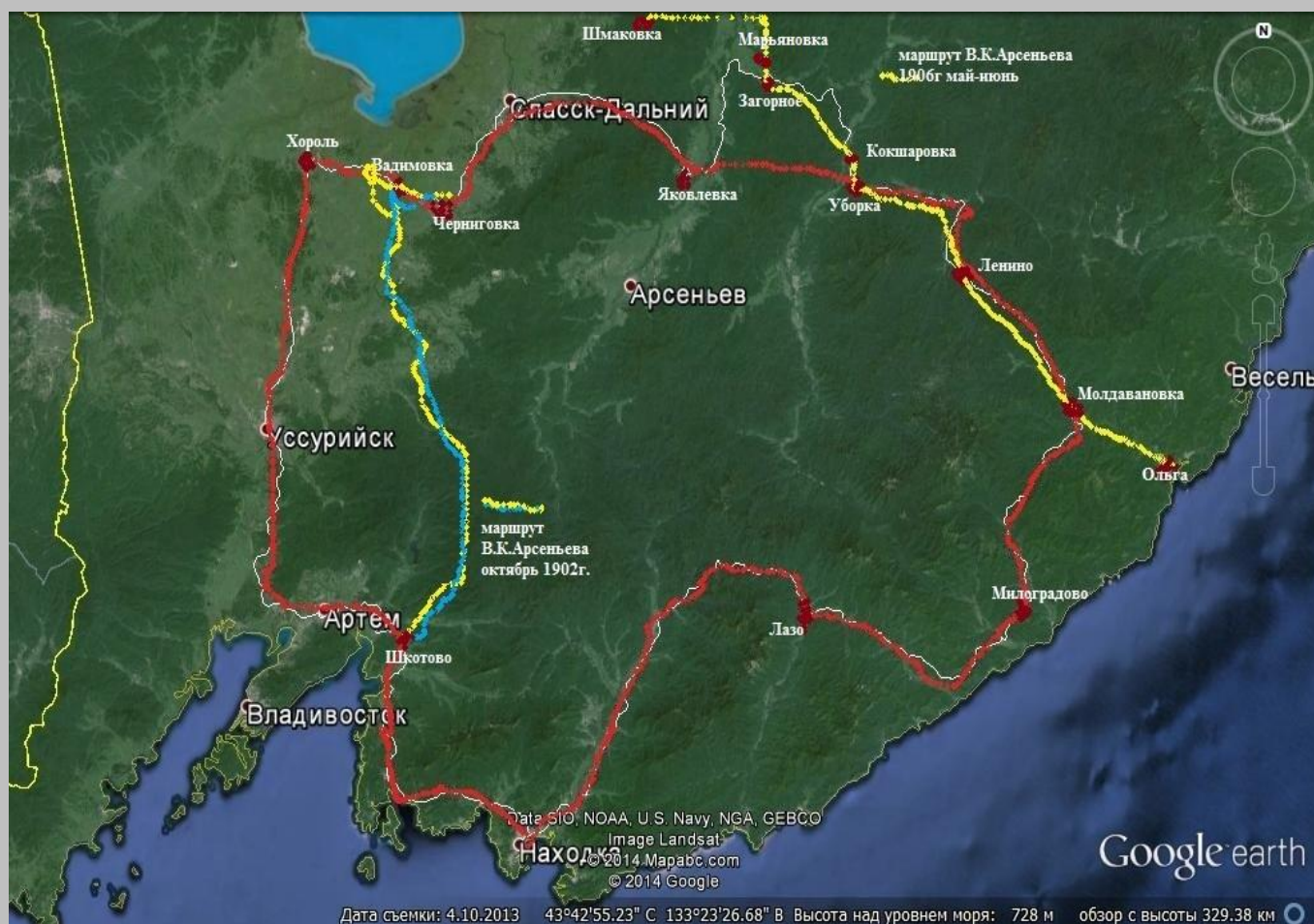
«Отпускник»: маршрут от трёх и более дней, цель которого – дорога, совершенствование вождения автомобиля, короткие стоянки, общение с семьёй, с попутчиками, ночёвки в тайге и прочие удовольствия автопутешествия с использованием всех видов дорог.

Идея автопробега

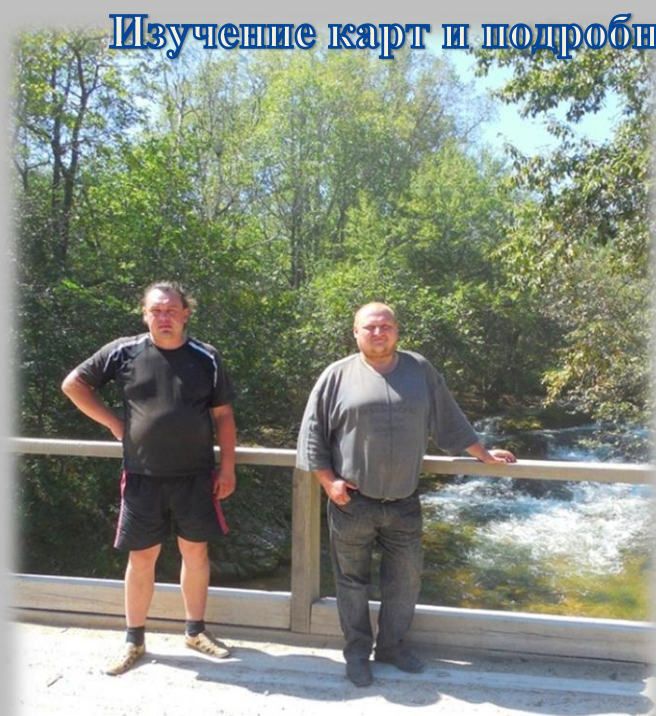
Увлечённый идеей организации туристического агентства «Туравто», я когда-то задумал освоить ряд автомобильных маршрутов по Приморскому краю, используя путь экспедиций В.К.Арсеньева. Первый двухдневный маршрут мне удалось осуществить в 2013г., о чём и сложился первый буклет «Сто одиннадцать лет спустя», в котором предлагал автопутешественникам свою некую прелюдию в организации пробега по местам, пройденным знаменитым путешественником в 1902г.

В конце августа 2014г. мне удалось освоить трёхдневный маршрут, основанный на первой трети пути В.К.Арсеньева в 1906-ом году. Многодневный арсеньевский маршрут (с середины мая до середины ноября) невозможно осилить даже в наше время на автомобиле наскоком без затрат времени и средств. Поэтому я разбил маршрут на части, назвав их соответственно южной и северной, с расчётом освоить северную часть на будущий год. Южную же часть пробега построил с расчётом восполнить свой маршрут прошлого года, чтобы побывать в приханкайских местах с выходом к конечному пункту арсеньевского маршрута Дмитриевке. Что я и сделал, миновав Уссурийск, о котором ещё скажу несколько слов далее, через Хороль и Вадимовку вновь остановился в Черниговке. И если в прошлом году здесь фактически заканчивался мой повтор арсеньевского путешествия 1902г., то нынче отсюда я с участниками пробега только начинал путь экспедиции Арсеньева в 1906 году.

Общая схема маршрута 27-29 августа 2014г.

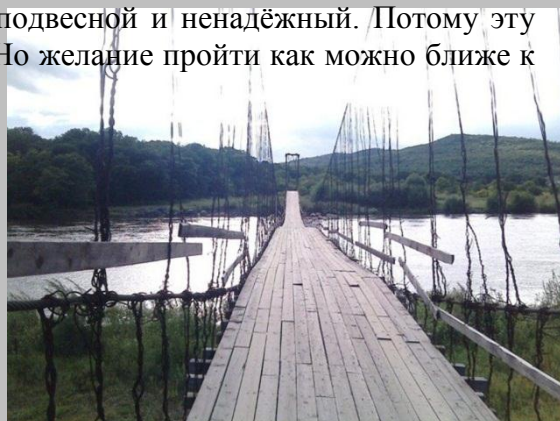
Изучение карт и подробностей

маршрута заставляет обращаться к материалам давнего прошлого края, сопоставлять прежние и нынешние топонимы. Пришлось знакомиться с давней историей первопроходцев наших земель, начиная от Василия Пояркова, интересоваться из интернета журналом «Записки Русского Географического общества» девятнадцатого века, использовать в работе книги В.К.Арсеньева, научные работы К.И.Максимовича и т.д. Но заметил, чем больше и тщательнее готовишься, тем больше беспокойства в душе, тем страшнее делать первый шаг. Испытывая такое чувство перед дальней незнакомой дорогой, намеренно сокращаешь её. Так ещё в

процессе подготовки отказался от желания В.Арсеньев, поскольку хотелось побывать в приханкайских долинах, и еще, потому что и в наше время на шмаковском маршруте между Марьяновкой и Загорным нет моста, а между Польшихой и Кокшаровкой мост есть, но подвесной и ненадёжный. Потому эту часть маршрута надеюсь одолеть в будущем году. Но желание пройти как можно ближе к арсеньевскому пути присутствует в планах всегда.

На этот раз у меня в подвижниках было двое крепких молодых людей, увлекающихся авто и таёжными дорогами – сын Николай с приятелем Денисом Мостовым. На их счету довольно много автопутешествий по югу приморья, но к такому целенаправленному мероприятию они подступались впервые. В роли транспортного средства у нас была проверенная «Делика», за задним бампером оставившая более двухсот тысяч километров. Моя идея повтора пути Арсеньева друзей как-то особо не трогала, но интерес к предполагаемому бездорожью, конечно же, сближал нас, и надо признать путешествие принесло и мне и подвижникам должное удовлетворение. Три дня и две ночи, проведённые вместе в дороге, сблизили наши интересы, что, я думаю, не окажется бесполезным в наших отношениях вообще. На маршруте я по старинке заглядывал в хорошую печатную карту двухкилометровку, правда чуть устаревшую с 1987года, но во всех отношениях верную и надёжную доньше, а мои подвижники были оснащены современным, как говорится сегодня, «крутым» навигатором. Разногласий почти не было...

Итак:

**27 августа, утро, восемь часов. Впереди у нас
1200 км. пути...**

Описание своего путешествия почему-то захотелось начать почти чёрно-белым снимком тех мест под Уссурийском, где мальчишкою доводилось пасти совхозное стадо телят. Именно тех мест и именно так – почти без цвета и чуть в дымке. Сегодня фотешоп позволяет это делать в секунду. Память же хранит и видит это несравненно чувственнее и бережнее. Иногда, уже работая над этими фотографиями, кажется, что и задумывал поездку, и совершал её я лишь

для того чтобы глазком заглянуть в детство. Но проехали, как будто бы пронеслись, Барановский, Красный Яр, передохнув лишь минут десять на голом взгорке въезжая в этот населённый пункт и сделав

один этот снимок. Затем пролетели Утёсное, Уссурийск, где мелькнула среди других и улица Амурская, что в памяти с пяти лет, и на которой нужно было бы остановиться, найти (или не найти!) дом, где после рождения до пятьдесят пятого года жил с родителями, но увы, так живём наскоро, так летим к запланированному объекту, оставляя на будущий случай эту важную остановку, не задумываясь над неправильностью своего бега...

Остановились лишь в Хороле.

Своё название населённый пункт получил в 1891 году от переселенцев из Полтавской губернии (современная Украина), в честь реки Хорол и города Хорол. Ещё ранее в этих местах возникают другие сёла: 1879 – Благодатное, 1885г. – Вознесенка, Поповка, 1886 – Стародевица, Новодевица, 1897 – Бильмановка. Арсеньев не упоминает эти поселения в первом путешествии 1902 года, хотя судя по истории сел там уже числилось более тысячи жителей. Окрестные же сёла возникают уже чуть позже 1903г. – Лучки, 1906г. – Петровичи, 1907г. – Сиваковка, Лукашовка, 1909г. – Новобельмановка.

Недалеко от села «в лучшие времена» располагался военный аэродром, который использовался как резервное место посадок советского космолана «Буран».

Устремлённость в небо жива и ныне...

Путь от Хороля к Черниговке интересовал меня ещё по прошлому году, поэтому вновь внимательно вчитываюсь в книгу В.К.Арсеньева.

Последние страницы повествования о его путешествии к озеру Ханка заставили и нас увидеть нынешние места в ханкайской долине глазами писателя:

«...С первого же шага буйные травы охватили нас со всех сторон. Они были так высоки и так густы, что человек в них казался утонувшим. Внизу, под ногами, - трава, спереди и сзади - трава, с боков - тоже трава и только вверх – высокое небо. Казалось, что мы шли по дну травяного моря. Это впечатление становилось ещё сильнее, когда, взобравшись на какую-нибудь кочку, я видел, как степь волновалась. С робостью

и опаской я опять погружался в траву и шел дальше. В этих местах так же легко заблудиться, как и в лесу. Мы несколько раз сбивались с дороги, но тотчас же спешили исправить свои ошибки...» (В.К.Арсеньев «По Уссурийскому краю»). ДАЛЕЕ ВСЕ ВЫДЕЛЕННЫЕ ТЕКСТЫ В КАВЫЧКАХ ВЗЯТЫ ИЗ ЭТОЙ КНИГИ.

Из нашего времени, особенно из окон летящего автомобиля эти раздолья видятся иначе, наверное скучнее и не столь восторженно. Но однажды я понял, почему имя Арсеньева столь значительно среди немалого списка первопроходцев, имена которых нынче известны, пожалуй, только знатокам. Увиденное в своих походах чудо приморской природы, этот, в общем-то, военный человек сумел переложить в красивое, почти поэтическое слово. К своим способностям разведчика и естествоиспытателя он просто добавил... писательство. И потому сегодня на одном дыхании постигаешь и принимаешь как приключенческий бестселлер его книгу.

«...Трудно проследить русло Лефу в лабиринте его проток. Ширина реки здесь колеблется от 15 до 80 метров. При этом она отделяет от себя в сторону большие слепые рукава, от которых идут длинные, узкие и глубокие каналы, сообщающиеся с озёрами и болотами или с такими речками, которые также впадают в Лефу значительно ниже. По мере того как мы подвигались к озеру Ханка, течение становилось медленнее. Шесты, которыми стрелки проталкивали лодку вперёд, упираясь в дно реки, часто завязали, и настолько крепко, что вырывались из рук. Глубина Лефу в этих местах весьма неровная. То лодка наша натыкалась на мели, то проходила по глубоким местам, так что без малого весь шест погружался в воду.

Почва около берегов более или менее твёрдая, но стоит только отойти немного в сторону, как сразу попадёшь в болото. Среди зарослей скрываются длинные озёрки. Эти озёрки и кусты ивняков и ольшаников, растущие рядами, свидетельствуют о том, что река Лефу раньше текла иначе и несколько раз меняла своё русло...»

Неоглядный простор, спокойная в зелёных берегах река и взлетевшая над водой резвая птица предстают и сегодня в первозданной красе пытливого взгляду путешественника, и останавливают и завораживают...

В своих коротких и скорых путешествиях не перестаю удивляться миру окружающему нас. Не всё успеваешь подметить фотоаппаратом, а если и удаётся, то не всегда получается чётко поймать движение или наоборот остановить миг. Не систематизирую, не вникаю в изучение объектов своих фото, а просто созерцаю и

просто ИЮ

удивляюсь. И ещё нравится придумывать ...названия к фотографиям. Юношеское увлечение фотоаппаратом не превратилось во что-то стоящее, но кое-какой опыт есть, тем более современное фотографирование более похоже на игру... с компьютером – фотографируешь вроде бы ты, а последнее слово остаётся за электроникой.

На лещину в этом году был урожай, но ко времени поспевания оказалось, что большая часть орех червива. На фото же совсем и не виден изъян в природе. Одна красота!

крепкое семейство

А вот ещё раскрасавица. Назвал, не задумываясь, просто и избито, но лучше-то не скажешь –

ЦАРЕВНА!

«...Чем ближе мы подвигались к озеру Ханка, тем болотистее становилась равнина. Деревья по берегам проток исчезли, и их место заняли редкие, тощие кустарники. Замедление течения в реке тотчас сказалося на растительности. Появились лилии, кувшинки, курслеп, водяной орех и т. д. Иногда заросли травы были так густы, что лодка не могла пройти сквозь них, и мы вынуждены были делать большие обходы. В одном месте мы заблудились и попали в какой-то тупик. Олентьев хотел было выйти из лодки, но едва вступил на берег, как провалился и увяз по колено. Тогда мы повернули назад, вошли в какое-то озеро и там случайно нашли свою протоку. Лабиринт, заросший травой, остался теперь позади, и мы могли радоваться, что отделались так дешево. С каждым

днём ориентировка становится все труднее и труднее...»

Вот как описывает примерно такую же местность в пойме Уссури академик Максимович за полвека до Арсеньева:

«...Хотя по этим местам не проложено никаких дорог или тропинок, путешественнику не представляется больших препятствий; не приближаясь слишком к реке, для избежания болот, не углубляясь слишком внутрь края, где нет воды, а часто и дров, по этим беспредельным равнинам можно, как на море, итти прямо вперед по компасу; весною, где после спаленной старой травы свежая не успела подняться ещё выше фута, путь этот, если бы не болота, мог бы считаться приятною прогулкою; тем более что степное однообразие оживляется десятками диких коз, несущихся во всю прыть, по гладкому пространству, и многочисленными породами болотной птицы, между которыми встречаются некоторые южные невиданные досель формы...»

(Карл Максимович «Очерк верхнего Уссури и юго-восточного маньчжурского побережья» «Записки Русского Географического общества» №3 1861г.).

Нынче можно видеть ту же картину неоглядной зелёной низменности, испытывать те же чувства восторженности просторами, вдыхать те же запахи, может быть только уже с примесью духа автомобилей, железа и дорожной пыли, привнесённого сюда полтора века спустя цивилизацией. Так на Черниговку нас выводит среди неоглядного простора неплохая, но пыльная дорога.

Пред таким простором восторгом полнится сердце, и слово любое ложится в стих

Чуть веет над памятью вёсен вуаль...
Как сладкая тайна измятой полыни,
Полуденной нивы неспешная даль —
Во веки веков, и присно, и ныне...!

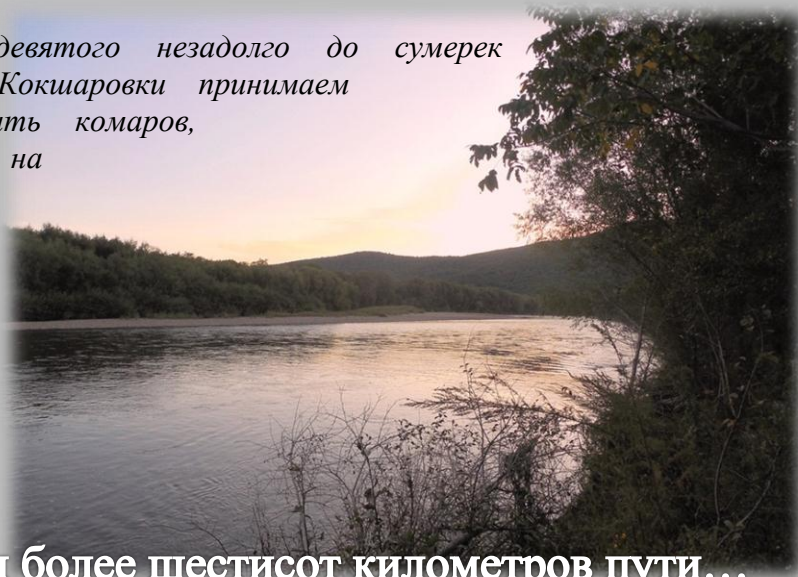
ОТ Черниговки в 15 часов выехали на Яковлевку через Спасск-Дальний, намереваясь к концу дня остановиться на Арсеньевке (Даубихе), может быть побаловаться с удочкой, и, наконец, обосноваться на ночёвку. Но так как эта часть пути меня вовсе не интересовала, и я был устремлён далее за Яковлевку на Загорное, то и мои сподвижники настроились на скорый путь без остановок.

...Надо признаться, цель, поставленная мной, абсолютно отлична от «естественно-исторической» цели походов В.Арсеньева по Уссури, Павловке, Аввакумовке, пересекающих Приморский край в поперечном направлении. За его спиной вставала целая военная система изучения и освоения территории. Их сборы непосредственно в экспедицию начались ещё с марта месяца, а выступили из Шмаковки только девятнадцатого мая. Люди готовились к тяжёлому физическому труду. Только личное снаряжение каждого из двенадцати участников похода по весу, кроме винтовки, весило до пятнадцати килограмм – это молоток, нож, патронташ, сменное бельё, нитки, гвозди, крючки и т.д. А ещё нужно было оберегать инструментарий для замеров и исследования местности, и содержать в полной готовности походный инвентарь – котлы, чайники, топоры, пилы, лопаты и пр. Людям в помощь были двенадцать лошадей. Но лошадей нужно кормить и оберегать от мошки и комаров специальной экипировкой. Только запас подков несли с собой по три пары на коня...!

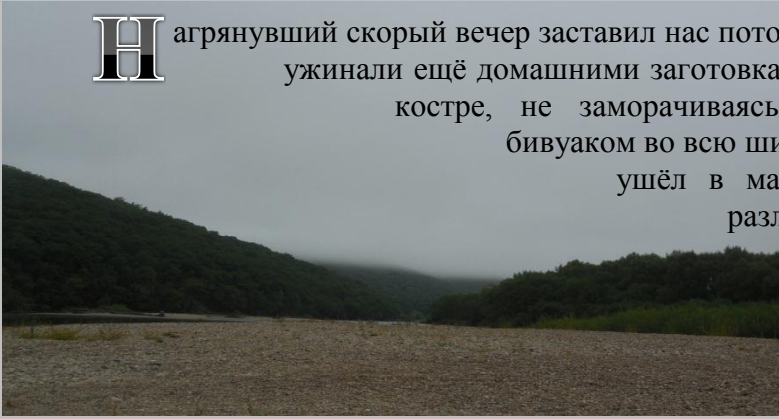
Мы же сегодня, будучи более в зависимости от своих личных досужих интересов, в дорогу отправляемся наскоро, надеясь на цивилизацию, на автомобили, на придорожные магазины и прочие блага современности. И просто мчимся, как и вообще в жизни, оставляя позади себя незамеченными десятки или сотни километров чудных пространств...

За Яковлевкой, свернув на север, остановились. Планируя по своей карте и с компьютера путь от Загорного, по упоминанию Арсеньева основанного староверами, на Кокшаровку, я знал о бездорожье, но надеялся, что всезнающий современный навигатор поддержит как-то меня, и мы рискнём проехать точно арсеньевским путём вдоль Уссури (Улахе) потом через Восточный Синий хребет с выходом вновь на эту же реку, делающую здесь большой поворот от встречи с большим правым притоком Журавлёвкой (Нотто), и сделаем остановку в районе Польшихи (по численности населения как Загорное примерно около ста человек). Но электронный прибор лишь добавил страху, не отыскав и намёка на какую-нибудь лесную дорогу, о существовании которых я же знал наверняка. Не желая испытывать судьбу лишней раз, что и входило в мои планы, подчиняясь навигатору, мы возвращаемся к Яковлевке и мчим на всех порах по хорошей асфальтированной дороге на Уборку. Не доезжая чуть, сворачиваем на грунтовку влево – уж если не выдерживаем плановый маршрут, то хоть доберёмся до намеченного пункта с другой стороны и определимся с ночлегом...

Ровно в половине девятого незадолго до сумерек километров за пять до Кокшаровки принимаем решение, чтобы не кормить комаров, ночевать у самой воды на большой открытой косе. Тугая спокойная река, вечернее, с поволокою лёгких цветных облаков небо, подкрадывающаяся ночь и чистый вольный воздух – что ещё нужно для хорошего отдыха после двенадцати трудных часов автомобильной езды...?

27.09, вечер, позади более шестисот километров пути...

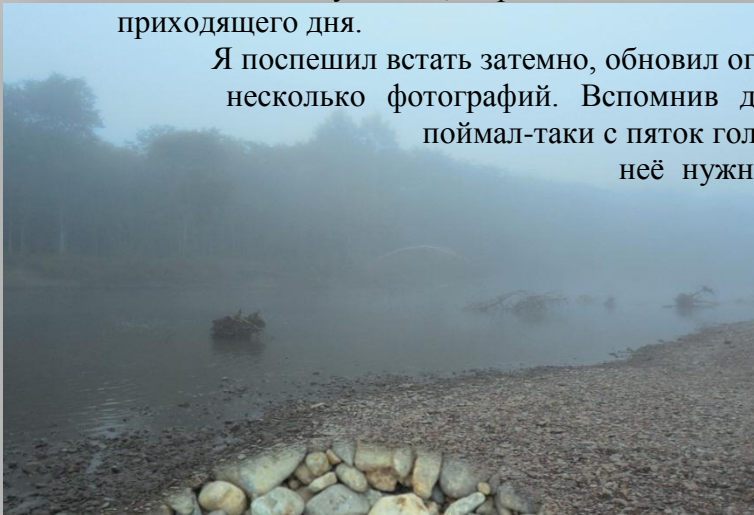

Нагрянувший скорый вечер заставил нас поторопиться с устройством ночлега, потому ужинали ещё домашними заготовками, правда, чай вскипятили на хорошем костре, не заморачиваясь особо приготовлением ужина. Над бивуаком во всю ширь расплескалось звёздное небо. Я спать ушёл в машину, а сподвижники мои привычно разложили палатку и потом долго не ложились, и должно быть переусердствовали в разговорах у ночного огня, потому спали утром до десяти часов. А ведь собирались побегать с удочкой по реке...!

...В звёздное небо можно смотреть, не отрываясь часами. Оно как непостижимая фиолетовая тайна обволакивает собою окрест всё, и смешивает из отдельных явлений реки, дороги, недвижных кустов единое великое нераздельное состояние. Лишь похрустывают в вышине звёзды, беспорядочно, словно искры голубого щебня, рассыпавшись на чёрном бархате бесконечного пути. А освещён тот путь каким-то мягким внутренним светом, толи тем, что исходит от звёзд больших и ярких, словно горящих чудной удивительной краской, толи от лёгкой желтизны звёзд дальних и малых, упрятанных в глубине мириадами точек и чёрточек. Очарование усиливается тем, что это же небо помигивает и безмолвствует, отражаясь в тихой заводи, отгородившейся от основной реки узкой полосой галечника. Эти чары живут в памяти потом всю жизнь, и к ним нельзя привыкнуть до того, чтобы они превратились в обыденность. Восторженно и празднично эта картина напоминает детство, это звёзды... из детских лет! Это таинственное чувство обязательной твоей сопричастности к предкам, это волнующее всепобеждающее устремление твоего обязательного участия... в потомках. Пред таким небом чувствуешь свою достойную истинную малость в бездонье Мира и вместе с тем понимаешь единение своё с его непознаваемым величием. Может быть, вот это самое единение и зовёт людские души в путь, в неведомое, к великим открытиям. И ещё – под таким небом крепок сон и торжественно... пробуждение.

...В это время года утро на реке уже зябкое, но не холодное. Туман плотным занавесом скрывает от глаз окрестности, но с рассветом медленно нехотя отступает, обнажая лесистую даль, поражая тишиной и какой-то необъяснимой великой важностью приходящего дня.

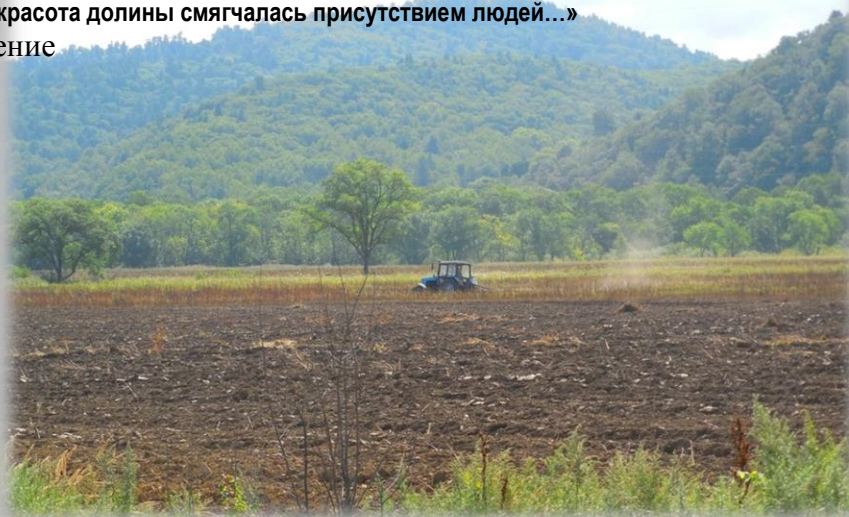
Я поспешил встать затемно, обновил огонь под котелком, наблюдая рассвет, сделал несколько фотографий. Вспомнив детство, сетуя на малый размер бродней, поймал-таки с пяток голянов, но оставил рыбалку, полагая, что для неё нужно специально готовиться ещё с вечера, и взялся будить «свою экспедицию»...

В 11,30, оставив Кокшаровку позади, возвращаемся на асфальт и через полчаса проезжаем Уборку. По состоянию на 2010г. в посёлке проживало 851 человек. Это меньше, чем по переписи 2002 года, тогда здесь значилось чуть более тысячи человек. Нужно признать, численность населения во всех упоминаемых мной сёлах и деревнях в последние годы уменьшилась, и вообще внешний вид селений говорит о недостатке молодых сил на здешней земле. Какой либо истории относительно упоминаемых Загорного, Польшихи я не нашёл, кроме Кокшаровки основанной в 1903гг. и Уборки основанной в 1907году, потому и не упоминаемой Арсеньевым. У него в книге здесь в долине у китайцев экспедиция останавливалась на ночлег.

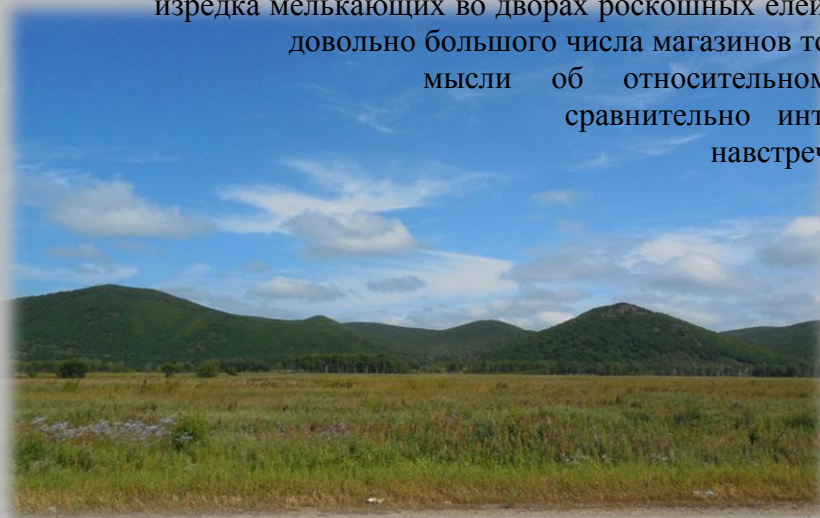
«...Долину Фудзина (Павловка) можно назвать луговой. Старый дуб, ветвистая липа и узловатый осокорь растут по ней одиночными деревьями. Невысокие горы по сторонам покрыты смешанным лесом с преобладанием пихты и ели. Дикая красота долины смягчалась присутствием людей...»

Открылось и нам селение в узкой солнечной долине. Зелёные, словно бархатные вершины, окаймляющие селение со всех сторон. Тихо и умиротворённо. Кое-где белёный штакетник, крашенные заборы, тарелки спутникового телевидения, у дворов вдоль дороги выставлены на продажу результаты сельского труда. За селом трактор готовит землю под озимь. Небогато, но присутствует во всей окрестности этакий неприметный достаток.

«...Точно перепелки, попрытавшиеся от охотника, там и сям между деревьями виднелись серенькие китайские фанзы. Они имели уютный вид. Все вокруг носило характер мира, тишины и трудолюбия. Около фанз широко раскинулись хлебные поля и огороды. Чего только здесь не было: пшеница, кукуруза, чумиза, овес, мак снотворный, бобы, табак и множество других растений, которых я не знаю. Ближе к фанзам росли: фасоль, картофель, редька, тыква, дыня, капуста, салат, брюква, огурцы, помидоры, лук разных сортов и горошек. В полях всюду виднелись синие фигуры китайцев. Они прекратили работы и долго провожали нас глазами. Появление военного отряда, видимо, их сильно смущало, а наличие вьючных коней указывало, что отряд этот идёт издалека и далеко...»

Тут я должен признаться читателю, что настоящих богатых сёл я не видел, поскольку далее Приморья не бывал, но такое чувство у проезжего туриста может родиться не только от его внутреннего восторженного состояния, от солнечного дня, от изредка мелькающих во дворах роскошных елей, но и наличие пива в одном из довольно большого числа магазинов тоже склонит путешественника к мысли об относительном достатке сельчан. Здесь сравнительно интенсивное движение. Изредка навстречу идут лесовозы. Это говорит

о том, что мы на трассе федерального значения А181 Арсеньев – Дальнегорск.

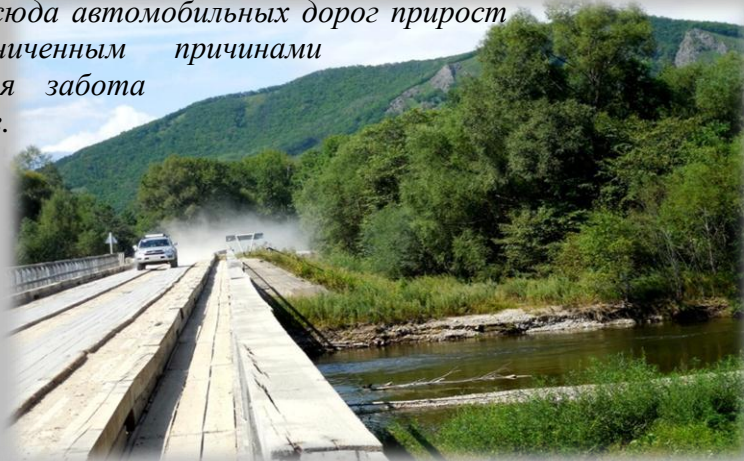
Мы пролетаем на автомобиле за пару часов расстояния, на которые у экспедиции Арсеньева уходило неделю и более. На путь от Кокшаровки до

перевала на Ольгу у них ушло десять дней с первого по шестнадцатое июня. Только переправа через Павловку(Фудзин) заняла три дня, поскольку прошла неудачно, было утоплено имущество, на поиски которого в холодной воде ушло и время и силы. Вдобавок Арсеньев пишет о наступившей жаре днём, о домогающих и лошадей и людей оводах и многочисленной безжалостной мошке.

«...Горы с левой стороны долины состоят из базальтовой лавы, которая в обнажениях, под влиянием атмосферных явлений, принимает красно-бурую окраску. По вершинам их кое-где по склонам виднеются осыпи. Издали они кажутся серыми плешинами. Эти сопки изрезаны распадками и покрыты дубовым редколесьем. С правой стороны Фудзина тянется массивный горный кряж, поросший густым хвойно-смешанным лесом...».

Заселение Приморья начиналось с севера по Уссури и с юга от залива Ольги, и затем вдоль железной дороги после завершения её строительства. Поэтому до сих пор плотность населения южных районов края и мест, освоенных ещё первыми переселенцами на озере Ханке, по Уссури, больше, чем на центральных таёжных территориях. Даже с приходом сюда автомобильных дорог прирост населения оказывается ограниченным причинами

внешними, как то – большая забота государства о росте городов. Отсюда раскрестьянивание и прочие основания ухода человека с земли. Без сколько-нибудь значительной помощи со стороны государства наши неоглядные просторы так просто не заселить. Если брать во внимание вообще Сибирь и Дальний Восток, то при огромных резервах земель быстрее осваиваются те, что ближе к центру страны. Это ставит в невыгодное положение Приморье, как впрочем, и весь Дальний Восток по сравнению, например, с Кавказом...

Свернув за Антоновкой с асфальта, миновали деревянный мост через Павловку чуть выше слияния её с Селенчой, так примерно звучало название нынешней Антоновки, вбирающей в себя воды трёх Антоновок: Левой, Средней и Правой. Впереди пролегла довольно хорошая, чуть пыльная дорога вдоль хорошей реки, вбирающей в себя с обеих сторон ключи и речки с многозначительными названиями: Синюха, Быстрый и т.п. У Карла Ивановича Максимовича, знатока многих территорий и знатного авторитета не только прошлых наук, нахожу точное, подмеченное взглядом учёного аналитика, определение хозяйственной возможности здешней земли:

«...Днём стояла невыносимая жара. Горячий ветер не приносил облегчения, хотя, кажется, и старательно носился порывами над вершинами деревьев, выворачивая на тыльную сторону тяжёлую пыльную листву раскидистых ясеней, что встали вдоль речки по галечнику вековыми стражами неведомых безлюдных территорий таёжной глухомани. Но к вечеру небо затянуло пеленой, ветер как-то разом стих, и

Франт

настороженная тишина окутала открывшееся с перевала пространство и тут же, перемешанная с духом тайги и разнотравья, расплзлась медленно по всей долине нескрываемой ленью, проглянувшей тут же даже в угмонившемся как-то сразу трепете листвы. Сверху издали виднелась, поблёскивая на мелях, бесшумная река, словно вкрадчиво просачивающаяся среди серо-зелёных берегов. Ниже река разливалась множеством ериков и стариц, занимая всё пространство изумрудной низменности, раскинувшейся меж двух отрогов. Тусклое, словно восковое небо повисло низко, и так же лениво и неспешно

Инопланетянин

плавилось над долиной. Уставшие обозники, несмотря на близкое окончание пути, теперь на ровной широкой дороге, повторяющей изгибы реки, совсем замедлили шаг и еле тащились, изнывая от духоты. К вечеру уже на подходе к городу на перекрёстке северной и западной дорог обоз слился с пёстрым шумным караваном, гроыхающим большими деревянными колёсами повозок и оглашающим окрест рокотом и говором доброй сотни людей.

Сам в темнице, борода на улице

Н.Тертышный «Далеко на Востоке»

«...Как ни живописен весь этот край, но для населения удобных мест весьма мало, горы везде каменисты, а долины узки, холодны, и часто болотисты, особенно мало хороших пастбищ и лугов...»

(Карл Максимович «Очерк верхнего Уссури и юго-восточного маньчжурского побережья» «Записки Русского Географического общества» №3 1861г.).

Тем не менее, открывшееся взору Ленино показалось великолепным чудом среди таёжного бесконечья.

Исторически это селение, приютившееся в месте слияния правой и левой речек, вероятно, ведёт своё начало от китайской деревни Селенча. С 1914г здешнее поселение упоминается уже по-русски Хутор Тигровый. По переписи пятнадцатого года здесь было 29 человек мужского пола и 17 женского. С образованием коммуны в 1930-ом году село получает нынешнее название. Есть утверждение известного историка Нелли Мизь, что крестьяне получили добро называться так ещё в 1923 году от самого В.И.Ленина.

Как бы там ни было, имя
это носил и

колхоз, основанный здесь в 34-ом году, и ныне носит приличный основательный посёлок в долине чистой реки, питающейся ручьями трёх вершин: слева г.Изюбриной(1433м), справа г.Антоновки(1385м) и в самых верховьях г.Перевальная(826м). Арсеньев с экспедицией в этом месте встречает двух китайцев, спрашивает о дороге на Ольгу, наблюдает, как они выращивают женьшень. После ночёвки здесь же ориентируется на местности и, взяв обоих в проводники, начинает путь к перевалу.

В наши задачи не входили лишние остановки и знакомство с людьми, но нельзя было не тормознуть у роскошного рябинового куста и не спросить у хозяев о дальнейшей дороге. Оказалось, что мы уже на краю посёлка и стоим именно на той лесовозной дороге, которая в шестидесятые годы девятнадцатого столетия была тропой, по которой прошли путешественники Будищев и затем Максимович, и которая поведёт нас к перевалу после небольшого перекура у брода за разрушенным мостом...

**Головой разможжась о плетень,
Облилась кровью ягод рябина.**

(«Сорокоуст» С.Есенин)

Отсюда дорога пойдёт к перевалу

«...Всякий раз, когда вступаешь в лес, который тянется на несколько сот километров, невольно испытываешь чувство, похожее на робость. Такой первобытный лес - своего рода стихия, и немудрено, что даже туземцы, эти привычные лесные бродяги, прежде чем переступить границу, отделяющую их от людей и света, молятся богу и просят у него защиты от злых духов, населяющих лесные пустыни...»

Вот с таким же предчувствием первобытности, с той же робостью и упованием на Бога входит или въезжает в лес и ныне путешественник, пеший ли или оседлавший многосильный внедорожник. Меня в таких путешествиях всегда привлекает возвышенное чувство хоть и малой, но сопричастности к именам великих первопроходцев.

«...наконец вышли к самой вершине горного кряжа Сихоте-Алинь. Кое-где расстилаются травяные болота (Cariceta), откуда вытекает Ли-Фудзин. Болотистая местность и лес идут до самой вершины водораздела...» (Карл Максимович «Очерк верхнего Уссури и юго-восточного маньчжурского побережья» «Записки Русского Географического общества» №3 1861г.).

Фактически дорога здесь, изменившись лишь в ширине, да кое-где подавшись с

В сырую погоду здесь просто не пройти!

помощью бульдозера от реки к сопкам, повторяет до сих пор путь всех первых путешественников. Эту глинистую дорогу используют лесовозы, и, думаю, в дождь здесь нам бы пришлось туговато. Но чем выше поднимаешься, тем меньше её ширина и тем суше она становится.

«...была и у нас своя тайная гордость за то, что своими руками проложили мы дорогу сюда, раздвинули эти страшные леса, подняли горькую эту землю, несчётно побили лютого зверя и сохранили совесть и пламя в сердце...» (А. А. Фадеев «О бедности и богатстве»)

Хороша водица в верховьях наших рек!

В 15 часов на высоте 490 метров переезжаем последний брод через Правую Антоновку перед перевалом. Нам повезло с погодой. В крае всё лето нет дождей, потому почти пустые берега. Почувствовать холодок изумительно чистой воды на уставших от руля руках – немалое удовольствие. После изрядной заболоченности за Ленино здесь сухо. Вода действительно холодная, о чём нахожу подтверждение в замерах температур с обеих сторон водораздела у К.Максимовича. По его записям температура рек здесь весной по Цельсию примерно 2,7С - 4,2С, причём речки бегущие в море на один-два

градуса холоднее. Эту закономерность учёный открыл, сравнивая растительность побережья и центральных районов края.

«...на следующий день, 16 июня, мы снялись с бивака в пять часов утра и сразу стали подниматься на Сихотэ-Алинь. Подъем был медленный и постепенный. Наш проводник по возможности держал прямое направление, но там, где было круто, он шёл зигзагами. Чем выше мы поднимались, тем больше иссыкали ручьи и, наконец, пропали совсем. Однако глухой шум под камнями указывал, что источники эти ещё богаты водой. Мало-помалу шум этот тоже начинал стихать. Слышно было, как под землёй бежала вода маленькими струйками, точно её лили из чайника, потом струйки эти превратились в капли, и затем все стихло. Через час мы достигли гребня. Здесь подъем сразу сделался крутым, но ненадолго...»

Мы же на «Делике» двигались намерено медленно, если бы ещё можно было как-то приглушить дизель, поскольку и дорога и светлые березняки окрест очаровывают настолько, что хочется просто идти пешком. Почти на перевале перед самым ветровым стеклом

высота 527метров

большая серая тень бесшумно скользнула в сине-зелёные заросли ельника. Птицу нельзя было разглядеть за столь короткий миг, можно было только догадаться по размерам и размаху крыльев, что это сова. Из большого списка совиных, живущих в Приморье, я думаю, по месту обитания это была неясыть.

На самом вершине водораздела видны следы старой вырубki, сваленные в кучу полусгнившие стволы, голые скелеты

высота 625 метров

веток, какие-то корни, и просто дровосечный хлам. Впрочем, за дровами из Ленино сюда вероятно не ездят. Далеко!

«...К сумеркам мы дошли до водораздела. Люди сильно проголодались, лошади тоже нуждались в отдыхе. Целый день они шли без корма и без привалов. Поблизости бивака нигде травы не было. Кони так устали, что, когда с них сняли вьюки, они легли на землю. Никто не узнал бы в них тех откормленных и крепких лошадей, с которыми мы вышли со станции Шмаковка. Теперь это были исхудалые животные, измученные бескормицей и гнусом. Китайцы поделились со стрелками жидкой похлебкой, которую они сварили из листьев папоротника и остатков чумизы. После такого легкого ужина, чтобы не мучиться

голодом, все люди легли спать. И хорошо сделали, потому что завтра выступление было назначено ещё раньше, чем сегодня...»

«...На самом перевале, у подножия большого кедра, стояла маленькая кумирня, сложенная из корья. Старик китаец остановился перед ней и сделал земной поклон. Затем он поднялся и, указывая рукой на восток, сказал только два слова: - Река Вай-Фудзин...»

Это самый пик перевала, дальше дорога идёт вниз несколько круче, чем мы поднимались. Перепад высоты в 100 метров после предыдущей остановки при подъёме пешком обязательно давал бы о себе знать усталостью. Но в автомобиле просто созерцаешь окрестную красоту и вдыхаешь с удовольствием сухой предосенний воздух, намешанный снизу из полынной духоты буйного подлеска и сверху из сладкого смоляного духа, сохранившихся с давних вырубок гигантов кедров, порадовавших нынче богатым урожаем шишек...

старый лесовозный волок

«...Восточный скат резко отличается от западного – он круче; лес, защищённый от господствующих западных ветров, лишён валежника и не так густ, болот не встречается вовсе, и речка Да-дзошуй в противоположность Ли-Фудзину, вытекающему из болот, едва заметным образом и капля за каплей стекается с каменистых скатов...»(Карл Максимович «Очерк верхнего Уссури и юго-восточного маньчжурского побережья» «Записки Русского Географического общества» №3 1861г.)

Карл Максимович переходил Сихоте-Алинь ещё в двух местах от южного и северного рукавов Аввакумовки и нашёл

перевалы здесь похожими: тот же лесистый хребет, та же разность между западными и восточными скатами.

отсюда вниз к Аввакумовке!

Перечитывая путешественников, рассматриваю в который уж раз карту и не перестаю завидовать их умению точно и кратко отображать увиденное в пути. И в то же самое время это красочное, объёмное и достоверное отображение местности, растительности и вообще всего живого окрест. Пытливости и таланту видеть мельчайшие детали в путешествии, не забывая и о географической величине края, всегда стоит у них поучиться...

Первопроходцы шли вдоль рек и в самых верхах. Это самый верный и короткий путь с речки на речку, бегущую в противоположную от водораздела сторону. Там же прокладывали тропы и местные жители. Вероятно, можно проехать и точно арсеньевским путём, но, побоявшись бездорожья, не сворачивая вправо на лесную дорогу в районе ключа Копылова, мы выбрали лучшую, более наезженную дорогу и на водораздел выехали ближе к г.Хребтовой, откуда дорога пошла на спуск Харченковой Падью. Думаю, нынешняя дорога прошла седловиной между двух высот, потому что здесь не так круто и на подъёме и на спуске, а конечный пункт один – Аввакумовка.

Я пишу об этом, потому

что Арсеньев переходил водораздел правее в районе г. Перевальной и спускался по одному из ключей в Рыловскую падь, так ныне называется речка упоминаемая им как Синь-Квандагоу, и затем далее экспедиция шла до притока справа Тудагоу(Фурмановка)...

«...наконец мы дошли до того места, где река Синь-Квандагоу сливается с Тудагоу. Эта последняя течет в широтном направлении, под острым углом к Сихотэ-Алиню. Она значительно больше Синь-Квандагоу и по справедливости могла бы присвоить себе название Вай-Фудзина. По этой реке в 1860 году спустился Будищев. По слухам, в истоках ее есть несколько китайских фанз, обитатели которых занимаются звероловством. От места слияния упомянутых двух речек начинается

Вай-Фудзин, названная русскими переселенцами Аввакумовкой...»

Начало спуска впечатляет ровной сухой дорогой и зелёным хвойником на склоне,

поднимающемся справа и убегающем слева круто вниз. Чем ниже спускаемся с перевала, тем обильнее и мощнее ключи, устремлённые к большой реке. Меняется, выше и тенистее становится лес, хвойник уступает лиственным деревьям, сырее дорога, справа бежит в камнях, уже набирающая силу, речка.

Лес по берегам тонок и нездоров. Сказывается излишек холодной воды и подвижная каменистая почва.

Вода здесь постоянно вымывает и меняет

русло. Сырость и тень способствуют гнили и множеству пожирателей листвы. В объектив моего фотоаппарата попали деревья во всю высоту, словно прозрачной сетью, окутанные паутиной-гнездовищем каких-то вредителей. Листва под «сетью» пожухла и безжизненно увядает. Чуть в сторону выше на склонах растительность удивительно пышнее и богаче разнообразием.

...Тут же на просеке сфотографировал нашего «коня». Скажу о нём несколько слов. Год выпуска 1992й. Весьма практичен, комфортабелен, дизель в меру силен, неприхотлив в обслуживании, но с возрастом, впрочем, как и всякая техника, ремонта требует всё больше и больше. На одном из подъёмов дизель напугал вдруг резко повысившейся температурой. Оказалось: на одном из резиновых патрубков внизу на радиаторе, должно быть от старости, образовался маленький свищ, через который часть антифриза вытекала, а большая часть под давлением уходила в расширительный бачок.

Двигателю дали остыть, недостаток жидкости пополнили водой. Ещё определили, что пробило прокладку под головкой (известная болезнь у Делики), поскольку радиатор незначительно пузырился газами. Движение продолжили, лишь время от времени проверяя уровень жидкости. В дальнейшем версия с прокладкой подтвердилась, по окончании путешествия её пришлось менять...

**Красив куст, но колюч
изрядно...**

Размышляя о проблемах туризма в нашем, удивительно богатом на природные достопримечательности крае, приходишь к пониманию того, что современный туризм, особенно автомобильный требует определённых инвестиций в развитие начальных услуг на маршрутах, как то: стоянки, небольшие торговые точки и... туалеты. Но вкладывать в это хотя бы минимум никто пока не торопится. Пока все усиленно пытаются эксплуатировать формы так называемого дикого туризма – еда, бензин с собой, туалет под кустиком и т.п. При увеличивающемся потоке туристов это обязательно выражается в загрязнённых

местах стоянок, в мусоре вдоль дорог и прочих неприглядностях...

Меня удивляло при чтении книги В.К.Арсеньева несколько разорительное отношение экспедиции к животному и растительному миру – увидели пчёл, выследили где у них борть, пытались взять мёд, в конце концов почти разорили их, медведь завершил разорение, увидели змею (полоз Шренка 1,9 метра бсм.толщиной) убили, охотились без оглядки на любую дичь, стоянки устраивали массированно вытаптывая территорию, оставляя после себя мусор (здесь можно припомнить историю со стеклянной бутылкой, бережно подобранной Дерсу). И главное, у автора нет каких-либо особых осуждений или угрызений совести по этому поводу. Всё это говорит о том, что человек того времени ещё не видел в своей деятельности большого вреда для природы! Но если во времена Арсеньева ещё остро не стояли проблемы экологии, о чём можно судить по его некоторому безразличию к мусору на биваках, то нынче неубранные места автопарковок и туристических стоянок – большая проблема, требующая забот и капиталовложений...

Чудотворцы

Ещё мая дивного плоды

Какое счастье – подметить удивительно чудный росток в чащобе, красивое дерево, живность в траве, одуванчиковое поле, утренний туман над чистой водой таёжной речки, после сна ополоснуться до пояса и, торжествуя, по-детски возрадоваться, и почувствовать свою обязательную причастность к величию и непостижимости Мира...

Любые путешествия таят в себе пусть маленькие, но открытия. Так маршрут прошлого года показал мне, как может быть замечательным и желанным простое планирование на год вперёд. Задумка маршрута таит в себе в хорошем смысле упрямство, желание получения результата. Это заставляет жить и трудиться, ставя перед собой цель. К слову, я по месту своего социального положения, обязывающего всегда простым трудом пробиваться в жизни, в общем-то, не страдал недостатком целенаправленности. Но в данном случае сопричастность к путешествию знатному и известному сделало для меня цель ещё важнее и значительнее. Рассчитывая осуществить её в ближайшие год-два, живёшь-таки задумкой, и это поднимает всегда настроение, множит силы.

И обязательно в поездках делаешь несколько малых открытий. Так в самом начале спуска к Ольге справа у самой дороги взгляду предстаёт в тени беззаботных ёлочек могила. Судя по датам рождения и кончины упокоенному здесь Гуртовому Денису Александровичу было 27 лет. Причины такого захоронения остаются загадкой для путешественника, и может быть желанием разгадать её как-нибудь он как-то приглушит набежавшую грусть и проедет молча, удивляясь и ладной могилке и цветам среди таёжного безлюдья.

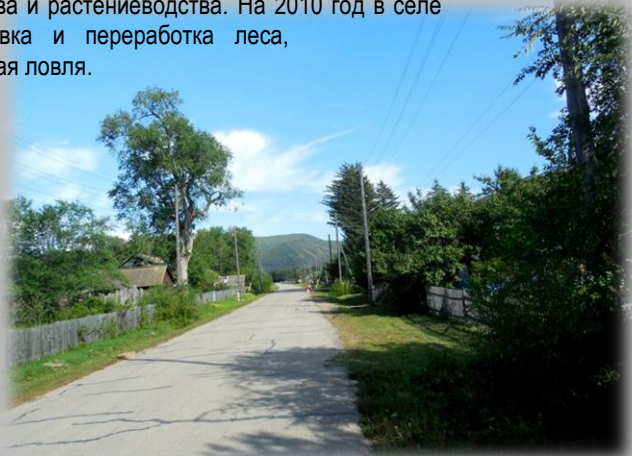

...Спускаясь, пересекая множество ключей и речушек, в какой-то миг потеряли всякие ориентиры, как ни сверялись с картой. Не помог и навигатор. Какое-то расстояние проехали, просто подчиняясь дороге, несколько утратив понимание своего местоположения. Но вскоре заработал навигатор, подсказывая перекрёсток и выезд на хорошую просёлочную дорогу. Одолев за четыре часа чуть более пятидесяти таёжных километров после Ленино, в семнадцать часов мы въехали в Михайловку.

котором и поныне находится школа. В 1961 году колхоз был реорганизован в совхоз, который длительное время обеспечивал Ольгинский район продукцией животноводства и растениеводства. На 2010 год в селе проживало 158 человек. Основные работы - заготовка и переработка леса, животноводство, растениеводство, сбор даров тайги, рыбная ловля.

Красивое, похоже, дачное чистое селение вдоль Аввакумовки. Здесь рукой подать до Ольги. Присутствует впечатление достатка. Дорога в селе асфальтирована. Вдоль дороги высоковольтная линия. И главное – функционирующая телефонная линия! Всю жизнь мечтаю поселиться примерно в такой деревне...

Вторая наша ночёвка была лучшим повтором первой. Миновав Михайловку в половине шестого, выбрали такое же чудное место недалеко от трассы на чуть меньшей каменной косе, на речной излучине у чистого омутка за говорливым перекатом. Аввакумовка в этом месте показалась теплее, чем в верховьях, хотя было понятно – это обманное чувство, навеянное лёгким теплом неглубокого малого плёса, прогретого солнцем в ясный день. Денис тут же полез в речку купаться. Я до сих пор виню себя, что забыл в этот момент о фотоаппарате и просто смотрел и завидовал молодости своих сподвижников...

«...во время путешествия скучать не приходится. За день так уходишься, что еле-еле дотащишься до бивака. Палатка, костёр и тёплое одеяло кажутся тогда лучшими благами, какие только даны людям на земле; никакая городская гостиница не может сравниться с ними. Выпейте поскорее горячего чая, залезешь в свой спальный мешок и унёшь таким сном, каким спят только усталые...»

В этот раз у нас было больше времени на устройство ночлега, на приготовление хорошего таёжного ужина с дымком на костре. Заготовив дрова (благо окрест оказалось достаточно много валежника, несмотря на то, что коса явно часто становится хорошим пристанищем для туристов), развели костерок и скоро справились с установкой палатки. Не мудрствуя особо над меню, просто приготовили обыкновенный густой картофельный суп с говяжьей тушёнкой, заварили крутого кипятка с начинающим попеть шиповником. Из свежих огурцов и помидор с постным маслом, с укропом сделали недурственный салат и пополнили с удовольствием силы, поминая недобрым словом перекусы в течение дня, когда мы коротко делали остановки и всухомятку подкреплялись бутербродами с колбасой под чай из термоса. Затем долго просто сидели у костра, затеяв пространный разговор о природе, о путешественниках, о предстоящей завтра дороге. Рядом в коряжистом завале в конце косы охотно поддакивала нам приятным говорком вода, чуть далее шумел перекат, сверху из фиолетового бархата помигивали звёзды, а подступивший к самому берегу лес, словно прислушивался к нашей беседе и умиротворённо молчал. Потом я, устроившись опять же в машине, будто-бы слышал во сне арсеньевских казаков, расположившихся рядом с нашей стоянкой. Пофыркивание их лошадей было столь явственным, что я невольно просыпался и вглядывался в темень, надеясь увидеть ночующий на нашем месте отряд отважных первопроходцев, их костёр, и пытлиую фигуру человека, склонившегося у огня над записной книжкой...

Зелёное братство

Утром Денис, побегав полчаса с удочкой вдоль речки, доказал, что прибавив к моему вчерашнему улову свой, запросто может сварганить неплохую ушицу. Но поскольку такой цели мы вообще перед собой не ставили, потому решили улов довести домой коту...

В 12,30, долго и нехотя собираясь, невольно растягивая удовольствие от общения с чудным вольготным местом нашей стоянки, мы наконец-то выбираемся в путь. Шёл третий день нашего путешествия. По плану нам оставалось одолеть ещё триста километров дороги, и вернуться к вечеру домой. Узкая зелёная долина, резко переходящая с обеих сторон в сравнительно невысокие сопки, высокое чистое небо, рукотворная сухая насыпь дороги миглом захватывают шофёрские души наши, и невольно замолкаем, очарованные картиной впереди. Лишь мерно работает мотор, да гудят снизу колёса...

«...в 60~70-е гг. XIX в., переселение на Дальний Восток сухим путем было крайне затруднительно. Н. М. Ядринцев так описывает мытарства переселенцев: «Целые караваны повозок в 100 и более семей в 300 и 400 душ за раз двигаются по сибирским дорогам. Переселенцы не имеют нигде крова. Они останавливаются под открытым небом в поле. Здесь располагаются целые семьи под телегами, больные и дети находятся тут же. Положение значительной части переселенцев нищенское. Входя в Сибирь, они уже начинают питаться подаянием по деревням, и нищество составляет профессию переселенца, иначе дойти до места у него не достало бы средств. На главной трактовой дороге Сибири крестьяне-старожилы сообщили нам как факт, что из всего числа обозов они помнят только две партии переселенцев, не побирающихся, и это была большая редкость...»

Когда сравниваешь своё путешествие с картинкой освоения наших мест первооселенцами, невольно стыдишься своего более выгодного во всех отношениях положения, и восхищаешься их мужеством, упорством и жизнелюбием. Нынче мы другие, более сытые, менее знающие своё предназначение, собравшиеся в большие города, побросавшие землю...

Заброшенный среди раскрасавиц берёз сельский клуб, домишко в бурьяне – такой неприглядной картинкой мелькнула деревня Молдавановка.

Село в Ольгинском районе Приморского края России. Расположено на левом берегу реки Аввакумовка на автодороге местного значения. Основа экономики — лесозаготовки, сельское хозяйство мясо-молочного направления и выращивание кормов. Активно развита охота и рыбалка, сбор дикоросов и даров тайги. В осеннее время в Аввакумовке организуется лицензионный лов кеты.

Арсеньев села не упоминает. Вероятно оно основано, как и Михайловка позже. Ныне в упадке, хотя тут же, надо признать, рядом мелькнули довольно богатые хоромы: вероятно кто-

то из состоятельных дачников продолжает радоваться жизни в этом зелёно-голубом раю...

«...это чрезвычайно порожистая и быстрая река. Она течёт с юго-запада к северо-востоку и на пути своём прорезает мощные порфиновые пласты. Некоторые из порогов её имеют вид настоящих водопадов. Окрестные горы слагаются из роговика и кварцита. Отсюда до моря около 78 километров...»

На другой стороне реки, под сенью огромных вязов, стояла китайская фанза. Мы обрадовались ей так, как будто это была первоклассная гостиница. Узнав, что мы последние два дня ничего не ели, гостеприимные китайцы стали торопливо готовить ужин.

Лепёшки на бобовом масле и чумизная каша с солёными овощами показались нам вкуснее самых изысканных городских блюд. По молчаливому соглашению мы решили

остаться здесь ночевать. Китайцы убрали свои постели и предоставили нам большую часть канов. Последние были сильно нагреты, но мы предпочли лучше мучиться от жары, чем страдать от гнуса...»

Так

упоминает речку Форельную(Эрдагоу) и далее поразительно ярко живописует здешнюю природу

В.К.Арсеньев. Здесь в устьях останавливался и ночевал его отряд. Здесь охотился на фазанов. Отсюда экспедиция пойдёт к Ольге, затем берегом моря на Терней, и только в конце октября, перевалив значительно севернее Сихоте-Алинь в обратном порядке, закончит экспедицию в Имане(Дальнереченске). Мы же остановившись у моста, по которому прогремывал лесовоз, долго любовались рекой.

Знаю, есть проекты железной дороги, которая должна связать эти места с центром края. Захотелось проехать этим путём, но...

Здесь заканчивается запланированная первая часть нашего путешествия, и пора возвращаться домой в Находку.

Под рокот мотора дремлю и припоминаю реку Уссури у места нашей ночёвки,

единственную встречную машину на таёжной дороге у брода через ключ и реку Илестую, с которой и начинали мы маршрут 2014 года...

На этом я обрываю рассказ о трёхдневном путешествии, не смотря на то, что впереди ещё около пяти часов езды по хорошей, но пыльной дороге назад. Как и предполагалось, мы не доехали до Ольги 38 км. Эту дорогу и далее на Терней, повторяя арсеньевский маршрут, я собираюсь, дай-то Бог, проехать и описать на следующий год.

А пока пожелаем не развалиться мосту над чистой речкой Форельной, попьём водички с газом из платного источника Горноводный, и в путь домой...

Я и на этот раз не прощаюсь с тобой, дорогой мой читатель. Буду жив, ближе к осени надеюсь, продолжая маршрут В.К.Арсеньева, организовать пробег на север Приморья, и обязательно сделаю новую книжку об этом.

Там за горизонтом главное открытие...!

**Что значит – жить?
Никто не знает**

Четырнадцатое января. Старый Новый год – чудное и в то же самое время странное сочетание понятий. Впрочем, на Руси всегда вдоволь странностей и странников.

Тем несчастливым утром едем впятером в Углекаменск. Мелькает за окнами авто январская картинка приличной в том году студёной зимы. В долине лежит снег. По окоёму в болотцах треплет ветер метёлки высокого рыжего ковыля, вдали любо глазу серебрятся под солнцем белые зигзаги вершин. О чём-то говорим попусту. Кручу привычно «баранку», а под сердцем боль, и в голове звень-звень мысль тяжкая, ещё до конца не осознанная: – Старина Лебков скончался..., прощаться едем...

*«...Вон, над сопкой редколесной,
Засиял в цвету багул,
Словно это Царь Небесный
Дивной кисточкой мазнул.
Подходи. Смотри. Любуйся.
Цветочечку сорви.
Прошепчи: «Прости, Иисусе...»,
И от счастья зареви...»*

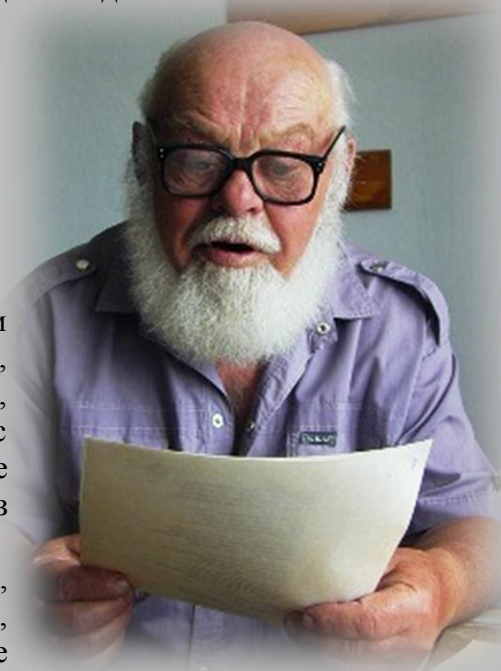
В его биографии так много того, что зовётся одним коротким – Русь. Смоленск, Брянск, орловщина, Рославль, Нечаево, Калуга, Рогнедино – это его корни, его начало, пронесённое затем сквозь всю жизнь с достоинством, с гордостью должной, красивой, и вложенное в столь же гордое и восторженное его Слово, что «как и Солнце – из Божьего теста...».

Такое случается часто – человека почти не знаешь, если не считать давней встречи на поэтическом вечере, двух-трёх реплик, крепкого рукопожатия, но после знакомства с его творчеством приходит чувство какого-то внутреннего родства, и пронизывает трепетно суть твою, и ничего не подделаешь с этим ощущением, и всё лелеешь надежду на оказию, на случай новой более удачной встречи. Но безжалостное время вмиг обрывает всё, и надежду, и возможности, воздействуя лишь с ещё большей силой, оставленным его чистым «самосудным» Словом.

*«... Чужая долюшка – без краю,
Своя – лишь только от и до.
К чужой хвалёнки прилепляю,
Свою – не ставлю ни во что.
Чужое дерево – с листвою,
Своё – живёт и не живёт.
Чужой родник – с живой водою,
Свой – затхлой глиной отдаёт...»*

Я никогда не бывал там... в центре России. И уж наверно не побываю. И сужу о ней часто, может быть, по наиву и неверно, лишь по образам вот такого лебковского толка:

*«...Повсюду – суета «вождей»,
Торги души и тела.*

*И я кричу душе своей:
«Ты этого ль хотела?»...*

И тут же признание собственной причастности к тому, словно в виновности своей:
«Пока душа моя спала, случилось рядом столько зла...».

В своих чудо-рассказах он поднимается Словом от каких-то незамысловатых повествований с шуточками, с прибаутками к каким-то мистическим заговорам, почти к молитвам. И поэтическое восприятие жизни, лирический настрой и чутьё он сохраняет до самого конца. Одни лишь названия последних его книг говорят о многом: «А что мне делать в России», «Несуета», «Откровения отшельника». В них он, как всегда серьёзно и объёмно, не отрывая себя от действительности, ставит задачу жить:

*«И всё же, братцы, исполать,
Тому, что Господом ниспослано.
Давайте будем ткать и ткать,
А не дремать над кроснами...»*

Не из этой ли славянской оптимистичности черпает он подзабытые давно слова – орясина, рядёнце, и плодит свои «словотворения»: редкоход, цветочечка, разноцвет-трава, лесоход, буйноцветение. А сколько новых «политических неологизмов»: телесмута, коммуносатанё, волкомания, задироноситься, пригородиться, законоазбука, мракостыльность, смиреновозрождение, жратвопьянка и т.п.

У него наверно можно было бы многому поучиться, но из всего мне бы хотелось постичь корни его простоты. Не той, что «хуже воровства», а той чистой наивной простоты и открытости, что по какому-то страшно непостижимому стечению обстоятельств разбавляется с возрастом необъяснимым, но неизбежным юродством, в лучшем понимании этого явления, дающим возможность сказать слово своё всем в глаза, не лицемеря и не стесняясь. Его откровение – «...Я полюбил одиночество...» – вырывается грустью, сожалением из простых незамысловатых строк предвидения скорого ухода:

*«От суеты бесплодно-зряшной
Уходим скоро в никуда...
Сгорел закатом день вчерашний
И не вернётся никогда...»*

..На панихиду в ДК Углекаменска поспели только-только, неловко наскоро сложив к ногам покойного скромный цвет хризантем. Простились так же скупое, помолчав под тихую незамысловатую речь тех, кто был ближе поэту в его последнее время. И после того, как тело увезли отпевать в Партизанскую церковь, так же скоро заторопились домой. Я ругал себя за то, что не смог подмениться на работе и отпросился лишь на пару часов. Вот так всю жизнь: работа, спешка, долг, обязанность и опять работа.

*«...Почему не дано лишь добро излучать,
Жить, и жизнью дышать словно воздухом...?»
«Что значит – жить?
Никто не знает...»*

Обратной дорогой больше молчали. За деревней Казанкой на большом красивом мосту через реку Партизанскую я сбросил газ и чуть помедлил. И вверх, и вниз по реке во всю ширину, охватив розовыми разводами берега островов, на снежном фоне в лучах яркого солнца полыхали заросли чозении, блистала холодным серебром на незамёрзших перекатах вода, и тихая благодать разливалась вокруг по долине, порождая в душе веру в «закон всемирного родства». Но тут же «...расплёскивая вёдра смысла» подкатывала с болью под ложечкой потаённая тревога:

*«Всё от природы, а точнее от Бога...
И что там гул и гомон городов...?
И всё-таки какая-то тревога
В листве осин...»*

...Жизнь у человека состоит из событий, случаев, происшествий, драм и фарса, из поступков и устремлений, словом из всего этого многообразия, как из отдельных узоров и чёрточек состоит ковёр или картина, как из историй и рассказов складывается книга. И так же, как картина или книга, жизнь может быть цельной, объёмной, насыщенной красками, умело собранной из рисунков и набросков в единое полотно или повествование. Отличие состоит лишь в том, что жизнь... всегда – недописанная книга, незавершённое полотно.

Шамбала – это твоя родина

...Как-то в разговоре с одним хорошим товарищем я стал плакаться: суета какая-то пустая заела, обыденщина, невостребованность, одним словом – хандра, и ничего не могу сделать. Никому не нужен, никому не интересен и т.д. и т.п.

- А на кого ты, собственно, жалуешься? – спрашивает товарищ.

- Да, кто его знает..., может быть, на время, на бессмыслицу жизни, на всё человечество..., – бросаюсь сгоряча я словами.

- Ну, человечество здесь совершенно ни при чём, а время и бессмыслица – это всё в твоих руках. Так что чёрта, который всё знает, ищи в самом себе. Научись видеть большое рядом, быть нужным самому себе и тем, кто рядом с тобой. Присмотрись по-доброму вокруг, ведь пустоты нигде нет, всё чем-то обязательно наполнено, во всём есть содержание. Значит пустота лишь в тебе самом, и во многом, надо сказать, она надуманная тобой же. А на счёт нужности... – разве ты не нужен своим близким? Вот дальним, действительно ты не нужен пока...

- А почему пока? – спрашиваю товарища.

- У тебя всегда есть возможность заявить о себе. И вот тогда... может быть и дальние увидят в тебе нужность.

Вот такой, в общем-то, простецкий разговор. Это я к тому, что этот хороший товарищ пишет книги и неплохо разбирается в жизни. А зовут его Станислав Владимирович Кабелев. Совсем недавно во Владивостокском издательстве «Полиграфкомбинат» вышла его третья книга с интригующим названием «Сучан – царь Шамбалы». Нужно сразу признать, что и первые две книги «Тайна хребта «Чандалаз» и «Рассвет Солнечной Долины» также несут изначально элемент интриги и какого-то юношеского, даже мальчишеского задора. Я не так хорошо знаю автора, чтобы хвастать закадычной дружбой с ним, но могу сказать и не погрешу против истины: Кабелев – неугомонный романтик, путешественник, турист, увлекающийся и увлекающий своё окружение мальчишка...

Утром стынь. На дорогах лёд.

Вверх шатром побелело небо.

Осень раннюю зиму ждёт

Снегом-солью над полем-хлебом.

А в полудни с подола высь

Отряхнёт жар тепла скупого,

Искрой влаги врезаясь в склизь,

Чтобы вверх отразиться снова,

На январские святки чтоб,

За крещенскою датой следом

Беды вьюга смела в сугроб

Яром чёрным под белым пледом.

За морозы, за ночи жуть

Не любил бы я хляби эти...

Только стоит на луч взглянуть,

Чей нож тёплый под сердце метит,

*И смиряю на годы гнев,
Что нам спущены скупо слишком,
К горизонту прищур воздев,
Как упрямый ещё... мальчишка!*

Эти строки я писал Кабелеву после прочтения его книги «Рассвет Солнечной Долины» и что-либо изменить в них не хочу и сейчас.

Не касаясь литературных достоинств или недостатков новой книги Станислава Кабелева, скажу о значимости написанного для нашего сегодня, наполненного, может быть, не столь восторженными и замечательными событиями. Уметь находить нить повествования в смене картин, обозначенных ёмким и многозначным словом «туризм» – задача читателя. И его же обязанность подметить интересное писательское решение искусно связать реальность с действиями фантастическими и привести в наши дни героев из красивых и чистых легенд. Нужно признать, что любое пусть даже маленькое путешествие – всегда становится легендой. И, приходя таковой из прошлого в настоящее, наполняется ещё большим чувством восторженности и удивления перед непознанным миром, а уходя в будущее, обязательно становится ещё загадочней, может быть вообще преднамеренно неразгаданной. Такова логика всех путешествий – каждый раз находить красоту и загадку в, казалось бы, давно открытых и познанных вещах.

Идея у писателя предельно ясна и приемлема – воспитать или передать людям, прежде всего молодым людям любовь к родной земле, к родному краю, к тому, что окружает нас в обыденности, носит название малой родины и, которую, кажется, мы достаточно знаем. Автор учит радоваться своим маленьким открытиям, зовёт читателя и самому научиться этому. Открывать, понимать, прислушиваться, внимать и удивляться жизни. В мире предостаточно много всякого... и плохого в том числе. Кабелев намеренно уводит (в хорошем понимании этого) нас из буден в царство окружающей нас чудной благоухающей ещё пока природы, в которой не останешься пустым и утомлённым жизнью, в которой обязательно очистишься от тяжести материального мира. Автор предполагает и убеждён, что свыше через космос явлением Посвящённых в тайну космоса же произойдёт излечение наше от меркантильности и прагматизма, от чёрствости и бездушия. Это такой умозрительный надпсихологический ответ на задачу времени: Как быть? К чему идём? Сам же автор знает и более доходчивый ответ: просто жить, любить природу и родину, как впрочем и всё, что связано с этим – маму, папу, близких окружающих тебя людей, с кем делишь кров, кусок хлеба, с кем зарабатываешь этот кусок. Очень много именно на природу возлагает автор. В ней так много совершенства, а мы ведь его дети. Что же мешает нам быть правильными послушными детьми...

Шамбала, Беловодье – сказочная страна за горами, за долами, мечта. А может быть она здесь рядом? Только сделай шаг, внимательнее присмотришься к местам своей родины, вслушайся в названия мест тебя окружающих. Чандалаз, Чамбала, Шамбала...! Я не знаю как это выглядит с точки зрения законов этимологии, но понимаю, как пуст и непригляден будет без этого окружающий нас мир, как жесток и беспросветен будет быт, а жизнь бесцветна. Не потому ли так часто её скрашивают кровью... и в реальности, и в искусстве?

- Вот вы, тоже, придумали: Сучан – центр мироздания! Да вся ваша эта... цивилизация ограничивалась двумя-тремя десятками нанайцев в дремучей непроглядной тайге, – упрекает мою восторженность другой маловерный и скучный приятель. – Да пойми ты, всё движение было и есть ТАМ...! Там гибли и рождались миры, там делается всё, там жизнь! – и показывает кивком куда-то в неопределённость, имея в виду наверно европейские и прочие места цивилизации.

Вот так мы и живём с оглядкой на то, что происходит... там. И забываем о своей данности, о своём собственном явлении в этой жизни. Но появляется такой вот Станислав Кабелев с чистым желанием видеть важным и главным свою землю, на которой растут, и будут расти его и не совсем его, и даже совсем чужие... дети. И будут жить не для каких-

то там главных цивилизаций и событий, а просто с искренней любовью к родине, именно в ней видя чудесную страну Шамбалу, и будут трудиться в этих чудных удивительных местах, среди живущих здесь и сейчас простых замечательных людей...

(май 2002г.)

Со времени написания этой заметки прошло уж четырнадцать лет. Казалось бы, за столь долгий срок что-то поменялось, и у автора должна быть хоть одна заковыка, что заставит переписать восторженное своё отношение к своему герою. Нет ни одной заковыки, ни единой запятой не исправлю, но добавлю – Станислав Владимирович и сегодня, в свои семьдесят пять, неутомим и деятелен, как мальчишка. Расшевеливает к творчеству пишущую братию в литературном клубе, водит туристов в каменный город, открытый им же в долине реки Чистоводной, написал и продолжает писать об этом чуде природы книгу. Нынче летом ко дню рождения Геннадия Невельского уговорил меня для вечера в городском литературном клубе «Элегия» сообразить сценку приёма у царя и подыграть ему в клубе «Элегия».

...Кабинет царя. На стене карта Востока России. У окна Николай Первый. Хмур и задумчив. Входит адъютант, докладывает:

- По Вашему требованию, Ваше Величество, прибыл капитан второго ранга Невельской...

Царь молча кивает, делает знак рукой. Входит Невельской, начинает доклад:

- Ваше Императорское Величество...

Николай нетерпеливо останавливает его:

- Довольно, – назидательно продолжает, грозя пальцем: – Наши принципы есть: самодержавие, православие, народность и... безоговорочное послушание! Ты же, Невельской, организуешь собственные экспедиции, изменяешь по своему усмотрению инструкции, утверждённые твоим Государём...!

Царь берёт левой рукой на столе бумагу:

- Ну-с, как это понимать, что ты можешь сказать в своё оправдание?

Невельской, стоя во фрунт, показывает Николаю бумаги:

- Смею доложить, Ваше Императорское Величество, в результате экспедиции, предпринятой по указу Вашему, местное население восточных земель благодарно принимает покровительство Вашего Величества, в устье Амура заложен порт в честь Вашего имени и поднят флаг Российской Империи...

Некоторое

молчание.

Царь разглядывает бумагу, что держит в своей руке.

- Да, Россия всегда славит и бережёт свой флаг там, где он однажды был поднят! ...Но комитет, рассмотрев твои противозаконные поступки, разжаловал тебя в матросы! Н-да!

Затем Николай поворачивается к карте, ведёт рукой по линии пути экспедиции и размышляет:

- Хорошо, матрос, а далее...? Далее вот здесь ты получаешь звание мичмана, здесь ты лейтенант, здесь капитан, командир корабля. Здесь контр-адмир...,нет, ещё нет! Для начала тебя нужно наказать за неповиновение.

Откладывает бумагу, берёт орден Владимира 4 степени, поворачивается к Невельскому:

- За храбрость, заслуживающую одобрения, за блестящий результат экспедиции, за усердие, за героизм и патриотизм прими награду, капитан! В другой раз будь осмотрительней, превысишь полномочия, будешь строго наказан...

Невельской принимает награду:

- Служу Государю и Отечеству...

Так на пять минут, преобразившись в знаменитого адмирала, Станислав Владимирович заставил побывать в царёвом обличии и меня. Как ни наивны эти театральные увлечения, но за ними по-прежнему видятся юношеские пылливость и задор, вера в людей и патриотичность, как бы это высокопарно не звучало. И дай Бог ещё сил и таланта Станиславу Кабелеву во всём...

Сентябрь 2014г.

**НАХОДКИНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ «ЭЛЕГИЯ»
ОБЪЕДИНЯЕТ НЕ ТОЛЬКО ЛЮДЕЙ, ПРОБУЮЩИХ
СВОИ СИЛЫ В ЛИТЕРАТУРЕ.**

ЗАДАЧИ ЕГО ШИРЕ.

ЗДЕСЬ ЦЕНТР ТВОРЧЕСКИХ НАЧАЛ ГОРОДА.

ИЗВЕСТНЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

И ПРОСЛАВЛЕННЫЕ ТУРИСТЫ,

ЗНАТНЫЕ ГОРОЖАНЕ

И РУКОВОДИТЕЛИ ПРЕДПРИЯТИЙ,

ПОЛИТИКИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ –

ЧАСТЫЕ ГОСТИ

И ЗАВСЕГДА И

КЛУБА.

об авторе

ТЕРТЫШНЫЙ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

692900, РОССИЯ,
Приморский край,
г.Находка,
ул.Рыбацкая, д.19, кв.36
тел. (8 4236) 62-47-16
сот. 9242559986
Email: terty@bk.ru

Родился в 1948 году в г.Уссурийске. Среднюю школу оканчивал в г.Дальнереченске. С 1966 года безвыездный находкинец. Сорок восемь лет на производстве. Семнадцать лет в морском торговом порту, шесть лет на судоремонте, последние двадцать пять лет и до сего времени в городском водохозяйстве.

Автор книг: проза “Родня”, «Я Вам писал», «Письма в другую жизнь», «Далеко на Востоке», поэзия “У дерзновенного начала”, пьеса «Так и живём».

<http://proza.ru/avtor/nickolas>.

Подборки стихотворений и рассказы печатались в журналах

«Приморье литературное», “Литературный Владивосток”, «Дальний Восток», на сайте «Российский писатель». Стихи и прозаические зарисовки в местной и центральной прессе, в литературных интернет конкурсах.

За участие в культурной, просветительской, патриотической деятельности города и края отмечен грамотами и благодарностями Думы Приморского края и глав Находки и Владивостока. Член Союза писателей России.

**«...Эх, дороги – пути,
горька - думушка...
Сколь же горя нести?
Полна сумушка...»**

...Дороги, дороги, дороженьки. Сколько слов незабвенных о вас, сколько песен о вас, сколько дум про вас, пыльные и далёкие, по которым уходят волей или неволей, натирая мозоли и стачивая сапоги, и которые создают собою, сердцем и делами, временем, столь скупой отпущенным и названным... тепло и строго - жизнь...»

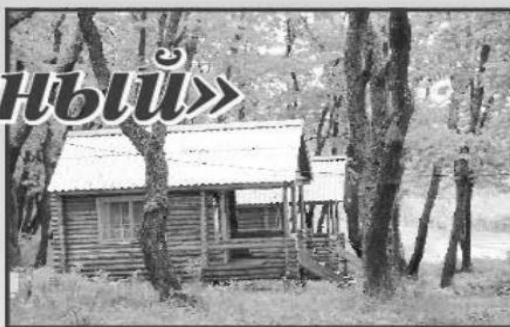

БАЗА ОТДЫХА

«Мыс Красный»

**Активный
отдых
на морском
побережье!!!**

Территория базы расположена в дубовой роще, здесь прохладно даже в летний зной.

Мягкий климат морского побережья, сказочная природа этих мест привлекает любителей моря и рыбалки. Вода в нашей бухте прогревается значительно быстрее, чем в других местах. Песчаная бухта, а рядом мелководная лагуна с лабиринтом подводных расщелин, прогретая солнцем - рай для любителей подводного плавания.

Мягкий климат морского побережья, сказочная природа этих мест привлекает любителей моря и рыбалки. Вода в нашей бухте прогревается значительно быстрее, чем в других местах. Песчаная бухта, а рядом мелководная лагуна с лабиринтом подводных расщелин, прогретая солнцем - рай для любителей подводного плавания.

ВИДЫ ДОМИКОВ:

- Индивидуальные двухместные
- Индивидуальные 3-х, 4-х местные
- На 2 семьи (две отдельные комнаты по 3,4 места и общая веранда)
- Повышенной комфортности (с санузлом)
- Эконом класса (домик-вагончик, домик-контейнер)

**Принимаем
организованные
детские группы**

В СТОИМОСТЬ ПУТЕВКИ ВХОДИТ:

- Проживание в 2-3-4 местных деревянных домиках.
- Питание 2-х разовое (обед, ужин)
- Встреча/проводы на ж/д вокзале

НА ТЕРРИТОРИИ:

- Летний душ
- Туалет
- Торговая точка
- Спортивная площадка
- Баня

ОТДЫХ:

- Спортивные соревнования
- Развлекательные программы
- Походы, экскурсии
- Морские прогулки на яхте
- Конные походы

г. Находка, ул.Малиновского, 23а
тел/факс 8 (4236) 68-38-44, 63-05-68
e-mail: sihote-alin@bk.ru
www.nakkm.ru

Туризм в крае
одна из важных отраслей экономики

ПРИМОРЬЕ

РОССИЯ

Есть идеи, для реализации которых нужно просто искать... деньги.
Познакомившись с моей идеей, один замечательный человек сказал:
«Просто, ищите... друзей».

Идея «ТУРАВТО» направлена к исследованию возможности автотуризма в Приморье с использованием личного автотранспорта туристов и путешественников. Рост численности автомобилей способствует расширению сети дорог и маршрутов самодеятельного туризма. Это предполагает организацию автопробегов в 5-6 участников при их относительной самостоятельности. При изучении района путешествий выявляется немало начально обжитых пунктов, пригодных к определённому освоению, чтобы в результате обеспечить дальнейшее развитие сервиса на маршрутах. Задумываясь о развитии туристических маршрутов с достаточным количеством привалов, кемпингов, домов отдыха, пансионатов, мини отелей и т.д., понимаешь, что сначала необходимо изучить сеть дорог и маршрутов неформального индивидуального туризма, учесть имеющиеся базы и на этом разработать начальную схему агентства «ТУРАВТО»...

Приморский край
2015г.

